

ПОЛИТЭКОНОМИЯ

УДК: 330: 330.3; 330.8

JEL: B24, H1, O57, P20, P51

Гжегож В. Колодко

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН: МИХАИЛ ГОРБАЧЁВ *versus* ДЭН СЯОПИН

В истории человечества не было случая, чтобы за короткий период жизни одного поколения взаимные экономические отношения изменились так сильно для такого количества людей, как это произошло в Китае и России в 1989–2020 годах. Обе страны претерпевают глубокие структурные и институциональные изменения, но в то время как первые показали впечатляющие результаты с точки зрения развития и сокращения отрыва от стран с развитой экономикой, достижения последних были очень скромными. В то время как Китай увеличил производство, чтобы стать мировой экономической державой, экономика России выросла скромно и играет второстепенную роль в процессе глобализации. Всего через несколько лет уровень производства и уровень жизни китайского населения сначала выровняются, а затем превысят уровень, достигнутый Россией. Это произошло вследствие многих факторов – от традиционного культурного наследия до геополитических условий, от наследия предыдущего государственного социализма до различных баз природных ресурсов – однако характер и продолжительность политического лидерства Дэн Сяопина в Китае и Михаила Горбачева в России имели принципиальное значение. Без учёта влияния мыслей и действий этих двух государственных деятелей невозможно понять суть тектонических изменений, которые произошли в мировой экономике за последнее время. В то время как Дэн Сяопин уделял приоритетное внимание экономическим реформам, ориентированным на рост, мало что делал в сфере политической либерализации, Михаил Горбачев попытался совместить политическую и экономическую либерализацию, но не смог этого сделать. Последствия решений, принятых несколько десятилетий назад, ощущаются и сегодня. Очевидно, подход Дэн Сяопина оказался более эффективным, чем реформы Горбачёва. В последнем случае они повели Россию и другие постсоветские республики в совершенно ином направлении, чем предполагал их архитектор.

Ключевые слова: Россия, Китай, Горбачёв, Дэн Сяопин, трансформация, экономический рост, "китаизм".

Гжегож В. Колодко (kolodko@tiger.edu.pl), Исследовательский центр трансформации, интеграции и глобализации, Университета Козминского, Варшава. <https://orcid.org/0000-0001-7015-5612>

Цитирование: Колодко Г. В. Экономика и политика больших изменений: Михаил Горбачёв *versus* Дэн Сяопин. *Экономическая теория*. 2021. № 1. С. 5–19.

© Гжегож В. Колодко, 2021

ISSN 1811-3133. *Экономическая теория*. 2021. № 1: 5–19 5

ECONOMICS AND POLITICS OF THE GREAT CHANGE: MIKHAIL GORBACHEV VERSUS DENG XIAOPING

Grzegorz W. Kolodko, Research Center for Transformation, Integration and Globalization, Kozminski University, Warsaw. <https://orcid.org/0000-0001-7015-5612>. Email: kolodko@tiger.edu.pl

In the history of mankind, there has never been a case where, in a brief episode of the life of one generation, mutual economic relations have changed on such a large scale for so many people as they did in China and Russia in 1989-2020. Both countries are undergoing profound structural and institutional changes, but while the former recorded impressive results in terms of developing and catching up with advanced economies, the latter's achievements have been very modest. While China has multiplied production to become a world economic power, Russia's economy has grown modestly and plays a minor role in the globalization process. In just a few years, the level of production and the standard of living of the Chinese population will first equalize and then exceed the level achieved by Russia. This happened due to many factors – from the traditional cultural heritage to geopolitical conditions, from the legacy from the previous state socialism to different natural resources bases – however, the nature and duration of the political leadership of Deng Xiaoping in China and Mikhail Gorbachev in Russia were of fundamental importance. Without taking into account the influence of the thoughts and actions of these two statesmen, it is impossible to understand the essence of tectonic changes that have occurred in the world economy recently. While Deng Xiaoping prioritized pro-growth-oriented economic reforms, while doing little in the realm of political liberalization, Mikhail Gorbachev attempted to combine political and economic liberalization, but failed to do so. The effects of decisions made several decades ago are still felt today. Evidently, Deng Xiaoping's approach proved to be more effective than Gorbachev's reforms. In the latter case, they took Russia and other post-Soviet republics in a completely different direction than that assumed by their architect.

Key words: Russia, China, Gorbachev, Deng Xiaoping, transformation, economic growth, Chinism.

Вводные замечания

Союз Советских Социалистических Республик (СССР) ещё в середине 1980-х базировался прежде всего на большевистском принципе исключения из экономической, социальной и политической реальности почти всего, что предшествовало коммунистической революции на рубеже второго и третьего десятилетий XX века. Экономика, общество и государство не должны были функционировать на основе рациональной модификации предыдущего режима, а вместо этого должны были иметь в своей основе его общее отрицание, то есть быть антиподом капитализма. Частную собственность должна была полностью вытеснить государственная, центральное планирование должно заменить рыночные механизмы, а деньги должны играть всё меньшую роль. Осуществленные в течение тридцати лет в период 1956–1985 годов попытки провести робкие реформы, чтобы отойти от этой ортодоксальности, привели лишь к незначительным изменениям статус-кво. В то время как догматики застряли в принципиально неправильном убеждении, что такая ситуация может продолжаться "до советских ка-

ленд"¹, Михаил Горбачёв, новый советский лидер, который пришёл к руководству единой правящей партии и, соответственно, государства, понял, что это нонсенс. Качественные экономические и политические изменения стали неизбежными.

Перестройка и гласность

Редкий политик входит в историю так чётко и определённо, как это сделал Михаил Сергеевич Горбачёв². По естественным причинам он не мог возглавить страну сразу после Сталина – в 1953 году ему было всего 22 года, он ещё был студентом. Поэтому он не мог осуществить радикальную реформу системы так, как это сделал китайский лидер Дэн Сяопин, который получил эту возможность после 1976 года вскоре после смерти Мао Цзэдуна. Тогда как в Китае того времени уже было не важно, "чёрная или белая кошка, пока она ловила мышей", в Советском Союзе и в его основной части, в России, впереди ещё был долгий путь от коммунистической доктрины к социалистическому прагматизму (Gaidar, 2007).

Важно также признать, что на экономические и геополитические реалии 1960-х, 1970-х и 1980-х годов большое влияние имели "холодная война" и враждебность Запада, особенно США, к обеим этим социалистическим сверхдержавам³. На самом деле Запад стремился к краху советского и китайского коммунизма, и руководители этих стран вполне осознавали, что, независимо от того, как пройдут реформы, они в любом случае будут рассматриваться на Западе возможностью сломать правящую систему, которая воспринималась как враг мирового капитализма.

До того, как Горбачёв пришёл к власти, практически никто в ведущих политических кругах не думал о глубоких изменениях в политической системе. Даже относительно более прогрессивные и прореформаторские деятели – то ли в Политбюро Коммунистической партии, то ли в советском правительстве – в лучшем случае думали о частичных изменениях и совершенствовании реальности, которая в основном соответствовала господствующей и непререкаемой ленинской идеологии. Однако время неизбежных изменений должно было наступить, и это произошло с приходом Горбачёва на ключевые посты в партии и государстве в 1985 году.

¹ Перифраз латинского фразеологизма "Ad calendas graecas", который означает срок, который наступит неизвестно когда или вообще не наступит. Соответствует русским пословицам "После дождика в четверг" и "Когда рак на горе свистнет".

² По случаю 90-летия Михаила Сергеевича Горбачёва вышел специальный номер "Мира перемен", междисциплинарного ежеквартального издания Российской академии наук, посвящённый его деятельности и достижениям (Mir Pieremien, 2020).

³ Сверхдержав не в экономическом, а в политическом и военном смысле, учитывая военную силу России и численность китайской армии.

Научился ли я чему-то у него, имея не только возможность наблюдать за его деятельностью на расстоянии, но и привилегию несколько раз лично встречаться с ним и обмениваться мнениями – впервые четверть века назад, в 1996 году? Возможно, я не столько узнал что-то новое, сколько подтвердил своё убеждение, с которым пришёл в политику чуть раньше, в начале 90-х, что в политической деятельности важны не только мужество и большая решимость – чего Горбачёву наверняка хватало – но также и представление о возможных направлениях эволюции процессов, которые возникают и развиваются, и которые могут выйти из-под контроля и пойти совсем другим путём, чем предполагалось. И такое представление – это то, чего этому великому государственному деятелю не хватало.

Горбачёв не хотел ни отойти от социализма, ни ликвидировать Советский Союз. Он хотел спасти социализм. Он намеревался придать советской системе "человеческое лицо", чтобы система базировалась на государственной поддержке, а не на силе государства и его насилии в отношении собственных граждан. Этим целям должны служить политические реформы в форме "гласности" и экономические реформы, известные как "*перестройка*". Они были настолько новаторскими, что со времени запуска первого искусственного спутника Земли только эти два слова уверенно вошли во многие языки мира, начиная с английского. Хотя мы знаем, что они означают, соответственно, прозрачность и реструктуризацию, мы их не переводим, потому что благодаря Горбачёву они говорят сами за себя.

Кое-кто считал, что реформы зашли слишком далеко, поскольку они ограничили привилегии, связанные с занимаемыми функциями и занимаемыми должностями, и поэтому помешали осуществлению намерений инициатора реформ. Для других реформы были недостаточными, слишком поверхностными, не создающими новое качество, и поэтому их критиковали. К сожалению, преимущество получила первая группа, которая заблокировала избранный реформаторский курс. Спустя несколько лет, выразив своё убеждение в фундаментальной обоснованности этого первого – реформаторского – подхода, я спросил Горбачёва, почему он не пошёл дальше, по крайней мере так далеко, как пошли Польша или Венгрия. Он ответил мне вопросом: "Вы представляете, сколько людей было связано с номенклатурой в СССР?". Ведь *гласность* и *перестройка* нарушали интересы номенклатуры.

Номенклатура включала двадцать миллионов должностей в партии и администрации, в армии и экономике, в науке и культуре – от совсем неважных к самым важным – на советских иерархических вершинах в Москве и в столицах всех четырнадцати советских социалистических республик. В то время – уже или всё ещё – сломать эту систему оказалось невозможным, поскольку советский

аппарат власти, институционально и политически связанный с номенклатурой, вместо того, чтобы заботиться об общественных интересах, энергично защищал свою добычу. Лишь некоторые из его более образованных представителей понимали, что реформы могут, кроме всего прочего, также изменить на лучшее и их собственное положение.

Весной 1989 года состоялся советско-китайский саммит (единственный во времена администрации Горбачёва). 15–18 мая того же года – то есть в течение короткого двухмесячного периода между переговорами за круглым столом, завершившимися "творческим компромиссом", и первыми в послевоенные годы демократическими выборами в Польше – советский лидер встретился с китайским. Бесспорно, они с большим вниманием наблюдали за польскими преобразованиями, пытаясь сделать для себя полезные выводы. Также очень важно то, что в дни визита Горбачёва в Пекин на площади Тяньаньмэнь проходили большие демонстрации студентов против положения дел в политике Китая. Это невероятное стечение обстоятельств: в тот же день, 4 июня 1989 года – только через две недели после китайско-советского саммита, когда китайская армия жестоко подавила восстание студентов, поляки мирно проголосовали за серьёзные системные изменения.

По случаю встречи на высшем уровне в Пекине Генри Киссинджер – ещё один государственный деятель, уже имевший огромный собственный геополитический опыт, – опубликовал в еженедельном журнале "Newsweek" очерк (Kissinger, 1989), в котором поставил фундаментальный вопрос: кто прав? Михаил Горбачёв, который, по меркам советской действительности, достаточно далеко продвинулся в проведении политических реформ (в *гласности*), но не очень далеко продвинулся в экономических изменениях (в *перестройке*)? Или Дэн Сяопин, который смело пошёл на экономические изменения, которые постепенно сделали экономику более рыночно ориентированной, но мало, фактически почти ничего не сделал относительно либеральных политических реформ?

Я сослался на эту дилемму, когда впервые встретил Киссинджера летом 1996 года в Париже. Тогда я сказал, что это неправильный вопрос, поскольку оба – Горбачёв и Дэн – были неправы, а правы были мы – поляки, которые одновременно пошли путём и политической, и экономической либерализации, то есть и в направлении демократии, и в направлении рынка. Я так считаю и сейчас, хотя мы, возможно, больше достигли в сфере постсоциалистической политической трансформации в направлении построения социальной рыночной экономики (хотя мы всё ещё далеки от её полнокровной формы), чем в создании длительной либеральной демократии. Тогда, четверть века назад, я никоим образом не ожидал, что спустя столько лет трансформационных усилий дисфункция политической сферы вызовет большее беспокойство и критику, чем недостатки и несо-

вершенство (уже капиталистической) экономики. Я вернулся к проблеме выбора пути во время следующих встреч с Горбачёвым – всегда в Москве – и особенно во время более многочисленных разговоров с Киссинджером – в Нью-Йорке и в Пекине. Хотя ответить на этот первоочередной вопрос полностью и удовлетворительно может только история (если ответ вообще возможен), эту тему стоит исследовать как можно глубже, в том числе через непосредственные обсуждения с людьми, которые писали историю.

Круглый стол и Берлинская стена

Постфактум мы должны согласиться с Михаилом Горбачёвым, что он сделал многое из того, что было возможно в политических реалиях того времени. К сожалению, ему также не удалось избежать серьёзных ошибок (*Nuti*, 2018). Однако, оставив на мгновение советские и российские трансформации в стороне, нельзя не подчеркнуть, что он внёс существенный вклад в геополитическую ситуацию того времени, закончив вредную холодную войну с Западом. Берлинская стена стояла бы немного дольше, если бы не польский круглый стол, но, безусловно, она стояла бы намного дольше, если бы не смелые решения тогдашнего советского лидера.

Когда я однажды сказал Горбачёву, что если бы не его политика, не удалось бы осуществить тот политический прорыв, который позволил нам изменить экономическую систему – так, как нам удалось это сделать в Польше (*Kolodko*, 1998), он отреагировал: "Напиши это, хорошо?" И вот я пишу это, потому что действительно считаю, что это так. За это он заслуживает признания и похвалы.

Если мы вернёмся к советско-китайскому саммиту 1989 года, к высказанной Киссинджером альтернативе – "или так – или так", то, если не сразу во время нашей парижской встречи в 1996 году, то при каждой из следующих встреч, ни один из нас не сомневался в том, что прав был Дэн Сяопин, а не Михаил Горбачёв. Потому что то, что произошло в экономической сфере с момента встречи двух титанов политики – это тектонические изменения. Ни невероятного развития китайской экономики, ни такой экономической стагнации России, а следовательно, и такой огромной разницы в динамике роста этих двух стран, никто просто не ожидал (рис. 1).

И если дальнейшие успехи Китая можно связать с политикой Дэна, то разлад российской экономики с падением национального дохода более чем на половину за последнее десятилетие XX века, безусловно, вызвал не Горбачёв, а его преемники. Достаточно вспомнить, что, хотя в 1989 году по паритету покупательной способности валовой внутренний продукт (ВВП) тогда ещё советской России был

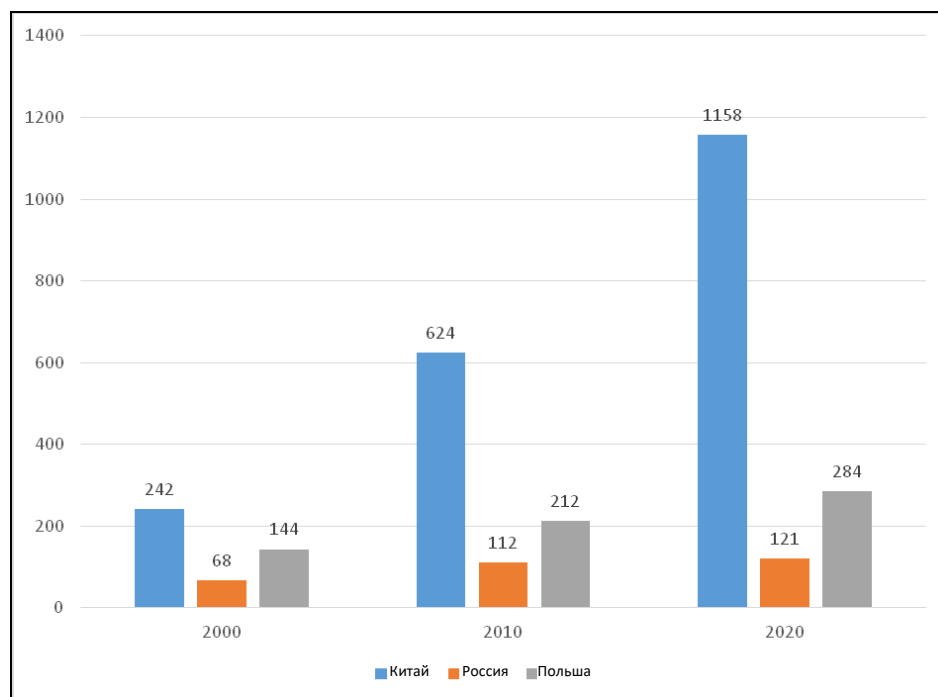


Рисунок 1. ВВП в Китае, России и Польше, 1990 = 100

(в ППС, в постоянных международных долларах 2017)

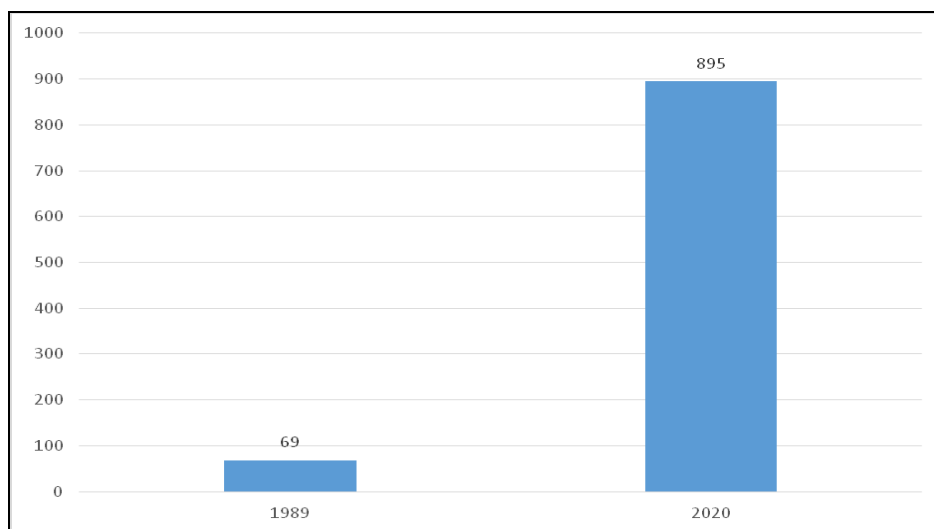
Источник: по 1989–2019 гг.: World Development Indicators (WDI 2021); за 2020 г.: для Китая и России – WEO 2021, для Польши – GUS 2021.

примерно на 50% выше, чем китайский, сегодня ВВП Китая почти в девять раз (!) выше, чем в России (рис. 2).

Такое сравнение становится ещё более впечатляющим, если мы оцениваем ВВП по паритету покупательной способности. Если в 1989 году ВВП Китая по текущим ценам в долларах США составил 347,8 млрд, то ВВП России составлял 506,5 млрд долл.⁴, то есть в тот год валовой внутренний продукт Китая составлял 68,7% от российского. Сравнивая ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности (в постоянных международных долларах США 2016 года, такие данные доступны за период с 1990 года), имеем ВВП России в размере 3188,5 млрд долл. США и ВВП Китая в 1616,2 млрд долл., что даёт соотношение уже только в 51%. Иными словами, тогда ВВП России был вдвое больше, чем ВВП Китая.

Очевидно, что сравнение нельзя свести только к динамике и уровню ВВП, но взаимосвязь этих показателей является о многом говорит. Однако следует понимать, что существуют различные другие

⁴ В последние годы Советского Союза ВВП России составлял около 70% валового продукта всего Союза.



**Рисунок 2. ВВП Китая в процентах к ВВП России
в 1989 и 2020**

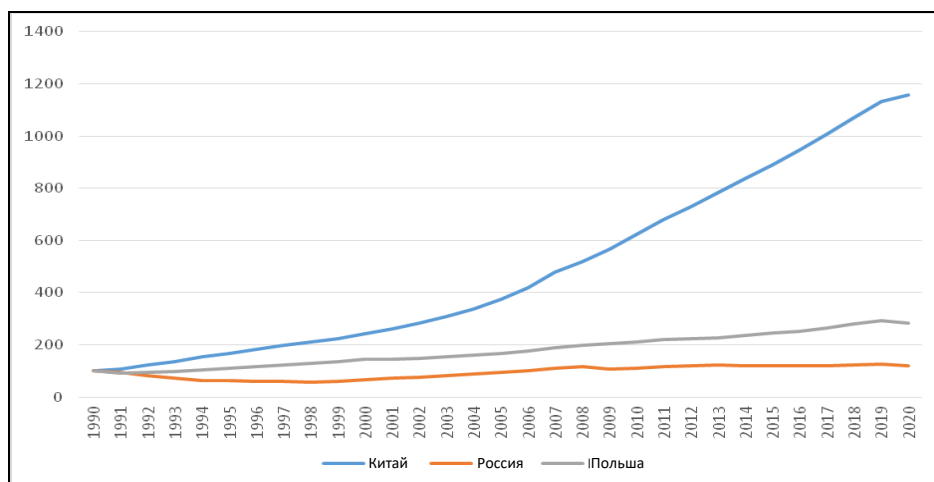
Источник: по 1989–2019 гг.: World Development Indicators, WDI 2021; за 2020 г.: WEO 2021.

аспекты экономической и политической эффективности, которые должны вызывать беспокойство, когда оценивается прогресс – или отсутствие прогресса – политических и экономических систем⁵. Отсюда понятно, что в обширной научной литературе, посвящённой как российской, так и китайской трансформации, существует множество мнений. Что касается России – от вполне апологетической (Aslund, 1995) до очень критической (Ostrovsky, 2015), а в отношении Китая – от исследований, которые дают сбалансированные оценки (Lin, 2012; Elizabeth, 2018; Maçães, 2018; Kolodko, 2020a) до крайне негативных (Kornai, 2019).

Мы должны отдать должное Горбачёву, что он искал способ улучшения экономической ситуации во взаимосвязи с фундаментальными политическими изменениями, которые были правильными с точки зрения их направления (Grinberg, 2020). По многим причинам, особенно из-за краха российской экономики в 1990-х, такого улучшения первого до сих пор не произошло - показатель ВВП на душу населения в России в 2020 году составляет лишь скудные примерно 140% от уровня 1990 года, тогда как в Китае он составляет около 1870%, а в Польше – чуть больше 280% (рис. 3)⁶.

⁵ Недавно вышли два специальных выпуска престижных научных журналов, посвящённых полностью делу Китая, включая последствия китайских трансформаций для мировой экономики и процесса глобализации (*Acta Oeconomica*, 2020 и *Communist and Post-Communist Studies*, 2020).

⁶ Показатель для Польши на 2020 год составляет 284. Он будет значительно ниже, если за базовый взять 1989 вместо 1990 года, из-за значительного падения ВВП (минус 12% в 1990 году), которое было вызвано необдуманной "шоковой терапией" (Kolodko, 2020).



**Рисунок 3. ВВП на душу населения
в Китае, России и Польше, 1990 = 100**
(ППС, в постоянных международных долларах 2017)

Источник: по 1989–2019 гг.: *World Development Indicators*, WDI 2021; за 2020 по Китаю и России: WEO 2021, по Польше: GUS 2021.

Демократия и авторитаризм

Политические изменения в России также не были впечатляющими, но всё же страна отошла от своей предыдущей советской авторитарной системы, хотя, к сожалению, где-то на этом пути она остановилась и застряла (Medvedev, 2020), что препятствует дальнейшему экономическому прогрессу (Mau, 2018). Мало утешает и тот факт, что в некоторых других постсоветских республиках, с разной степенью зрелости институтов рыночной экономики (Dabrowski, 2020), демократии ещё меньше или она вообще отсутствует. Особенно беспокоит то, что Россия попала в коррумпированную систему олигархического капитализма (Wedel, 1998; Kolodko, 2011; Sater, 2003).

В течение последнего десятилетия Китай много сделал в борьбе с коррупцией, хотя его экономика отнюдь не бескоррупционная; некоторые авторы даже утверждают, что в стране царит клановый капитализм (Pei, 2016). Из 180 стран, оценённых в рейтинге Transparency International по показателям восприятия коррупции в 2020 году, Китай занял 78 место с 42 баллами (по шкале от 0 до 100; чем ниже, тем хуже ситуация). Список возглавляют Дания и Новая Зеландия как наименее коррумпированные экономики – 88 баллов; худшими были (в равной степени) Сомали и Южный Судан с лишь 12 очками. В России дела обстоят намного хуже, чем в Китае, – 129 с результатом 30, а Польша выглядит гораздо лучше, занимая 45 место с 56 баллами. По сравнению с 2012 годом Китай и Россия продвинулись соответственно на 3 и 2 позиции, тогда как Польша регрессировала на 2 (TI, 2021).

Однако Китай не только недостаточно дистанцировался от авторитаризма, но, по сравнению с ограниченной либерализацией после падения маоистского правления, политический режим в стране с 1989 года даже усилился (Halper, 2010) и затем ещё более усилился после 2012 года (McGregor, 2012). Это, конечно, не демократия, но, очевидно, и не тоталитарный режим, который был во времена Мао Цзэдуна (Lovell, 2020).

Оценить состояние демократии сложнее, чем измерить экономическую ситуацию, однако делаются различные попытки такой оценки. Со всеми необходимыми оговорками мы можем рассмотреть сравнительный анализ, проведённый Economist Intelligence Unit (Economist, 2021). В рамках этой оценки, основанной на 60 различных показателях, оценённых на шкале от 0 до 10, что иллюстрирует многочисленные отдельные аспекты социальной и политической ситуации в 167 странах, определены четыре категории политических систем:

- авторитарные режимы,
- гибридные режимы,
- несовершенные демократии,
- полные демократии⁷.

Неудивительно, что и Китай, и Россия попали в группу стран с авторитарным режимом. В целом, самой демократической страной в мире является Норвегия, которая набрала 9,81 балла, недалеко от идеальной демократии, а наименее демократичной – Северная Корея 1,08 балла. Польша с оценкой 6,85 баллов находится где-то между её соседями, демократической Германией, набравшей 8,67, и авторитарной Беларусью, которая набрала 2,59, что выглядит даже хуже, чем Россия (таблица)⁸.

Очевидно, что здесь возникает много сомнений – особенно, если положение тех стран известно из собственного опыта. В частности, рейтинг, при детальном изучении, выглядит сомнительным, когда оказывается, что Россия расположена между Мозамбиком и Эфиопией,

Таблица

Глобальный индекс демократии 2020

Показатель	Страна						
	Норвегия	Германия	Польша	Россия	Беларусь	Китай	Юж. Корея
Место	1	14	50	124	148	151	167
Значение	9.81	8.67	6.85	3.31	2.59	2.27	1.08

Источник: The Economist Intelligence Unit (EIU 2021).

⁷ Более того, в рамках каждой категории есть подкатегории, подчёркивающие интенсивность этих характеристик. Например, норвежская полная демократия является более зрелой, чем немецкая, а русский авторитаризм менее жёсткий, чем белорусский.

⁸ Три постсоветские республики – Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан набрали соответственно 2,12, 1,94 и 1,72 баллов, то есть были оценены ещё хуже, чем Беларусь.

с одной стороны, и Нигером и Катаром – с другой, а Китай зажат между Суданом и Бахрейном, с одной стороны, и Ираном и Эритреей – с другой. Оставляя в стороне эти оговорки, интересно отметить динамику изменений на линии времени. В случае России наилучшее значение – 5,02 – было зафиксировано за 2006 год. С тех пор показатель снизился до 2,94 в 2018 году, и, вопреки распространённому мнению, которое распространяется западными СМИ, снова вырос до 3,31 в 2020 году. В случае Китая, после повышения с 2,97 в 2006 году до 3,14 в 2011, индекс демократии впоследствии упал до жалких 3,00 в 2014 году, а затем подскочил до отметки 3,32 в 2018 году, и резко снизился до 2,27 уже в 2020 году. Это не повод для радости – наоборот, обидно, что в последнее время в мире уровень демократии снижается. По всем странам, по которым доступны, а значит, и обследованы, базовые данные, средний индекс демократии упал до 5,37 в 2020 году – это самый низкий уровень с 2006 года, когда были начаты такие сравнительные исследования (EIU, 2021).

Тем не менее, действительно важно, что Китай, несомненно, является меритократией, где рациональные люди рационально делают рациональные вещи. К сожалению, этого нельзя сказать о нескольких других авторитарных государствах, таких как Мьянма и Саудовская Аравия, или Египет и Конго, которое иронически называется Демократической Республикой Конго. Более того, именно эта специфическая система творческой синергии между видимым главой государства и невидимой рукой рынка, а также сопутствующая интеллектуальная политика, которая использует преимущества глобализации и которая называется "китаизмом" (Kolodko, 2020b), собственно и является причиной большого экономического успеха Китая.

Как в профессиональной научной литературе на эту тему, так и в популярных СМИ, две великие страны, отказавшиеся от ортодоксального государственного социализма, Китай и Россию, часто сравнивают с США. Если такие сравнения могут иметь с точки зрения политического анализа и, скажем, военной мощи, то с экономической точки зрения более правомерным является сравнение Китая с Индией (Kolodko, 2020d). В этом контексте стоит вспомнить, что, хотя в начале 90-х годов ВВП на душу населения был несколько выше в Индии, чем в Китае, сейчас он примерно в два с половиной раза выше в Китае. Более того, в то время как в Китае, благодаря многолетней высокой динамике производства и соответствующей государственной политике распределения доходов, в 2020 году удалось ликвидировать крайнюю бедность (определяемую по методологии Всемирного банка как потребление ниже 1,90 долларов США в день по паритету покупательной способности), она всё ещё поражает около дюжины процентов населения Индии. Это одно из самых впечатляющих положительных последствий "китаизма".

Ошибка Колумба

Михаил Горбачёв как советский лидер и одновременно реформатор и государственный деятель в глобальном масштабе хотел изменить характер социализма (в наше время, постфактум, чаще всего в литературе этот социальный строй называется коммунизмом), а не сделать его чисто историческим явлением; он хотел дать социализму шанс выжить и развить, а не "закрывать" его; не свергнуть, а спасти его от краха под растущим давлением собственной неэффективности. Однако произошло иначе, и поэтому, вопреки своим намерениям, Горбачёв в конце концов способствовал краху государственной социалистической системы как мало кто другой. Не сомневаюсь, что в его честь будут установлены памятники. Так же, как когда-то это было сделано в честь Колумба в знак признания его заслуг за то, что он открыл новое жизненное пространство для миллионов людей. Кроме того, я надеюсь, что люди никогда не уничтожат эти памятники, как это сегодня происходит с памятниками, воздвигнутыми в честь первооткрывателя Америки, которого некоторые люди сегодня обвиняют в грехах, впоследствии совершёнными другими. Когда Колумб достиг неизвестного европейцам континента, он не осознавал, что на самом деле делает. Он руководствовался прежде всего жадностью, но ему не был чужд интерес к окружающему миру, также ему хватало и смелости. Последствия его ошибки были незабываемыми; мир сильно и безвозвратно изменился, хотя и не в лучшую сторону.

Горбачёв также ошибся. Как и Колумб. Он стремился к чему-то иному, чем то, что впоследствии произошло в реальности. Однако благодаря его реформам и благодаря его политической решимости и смелости неэффективный советский социализм был доведён до крушения. Тем не менее, то, что последовало за этим, – даже если изначально оно не было преднамеренным, – принесло нам большие изменения к лучшему. Великие перемены того времени сыграли значительную роль в управлении всем процессом постсоциалистического системного перехода к рынку и демократии (Колодко, 2000).

Не переоценивая роли личности в истории, несомненно, одним из главных направлений её нынешнего курса, а именно тем, что на огромной территории от Центральной Европы до западного края Тихого океана с населением почти два миллиарда людей возникли рыночная экономика и новая политическая система, – мы обязаны этим двум большим реформаторам, Михаилу Горбачёву и Дэн Сяопину. И это не их вина, что в более чем тридцати странах, расположенных в этих регионах, всё ещё возникает много законной критики как относительно функционирования рынка, так и относительно демократии. Большая работа по направлениям, заданным ими в прошлом, – задача следующих поколений.

References

1. Mihályi, P. (2020). The Year of China. Acta Oeconomica, 70, special issue. Retrieved 1.02.2021 from <https://doi.org/10.1556/032.2020.00031>;
<https://akjournals.com/view/journals/032/70/S/032.70.issue-S.xml/>
2. Aslund, A. (1995). How Russia Became a Market Economy. Washington, D.C., The Brookings Institution.
3. Dabrowski, M. (2020). Transition to a market economy: A retrospective comparison of China with countries of the former Soviet block. Acta Oeconomica, 70, special issue, 15-45. Retrieved 1.02.2021 from <https://doi.org/10.1556/032.2020.00024>;
<https://akjournals.com/view/journals/032/70/S/article-p15.xml/>
4. Economist. (February 6, 2021). Global democracy has a very bad year. Retrieved 5.02.2021 from https://www.economist.com/graphic-detail/2021/02/02/global-democracy-has-a-very-bad-year?utm_campaign=the-economist-today&utm_medium=newsletter&utm_source=salesforce-marketing-cloud&utm_term=2021-02-02&utm_content=article-link-5&etear=nl_today_5/
5. Economy, E.C. (2018). The Third World Revolution: Xi Jinping and the New Chinese State. New York, Oxford University Press.
6. EIU. (2021). Democracy Index 2020 In sickness and in health? A report by The Economist Intelligence Unit, London, The Economist Intelligence Unit Limited. Retrieved 4.02.2021 from <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2020/>
7. Gaidar, Y. (2007). Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia. Washington, D.C., The Brookings Institutions.
8. Grinberg, R. (2020). Kremlin dreamer or great reformer? Mir Peremen - A world of change, 4, 4-7. Retrieved 1.02.2021 from <http://mirperemen.net/2020/12/kremlevskij-mechtatel-ili-velikij-reformator/>
9. GUS (January 29, 2021). Produkt krajowy brutto w 2020 roku - szacunek wstępny Gross Domestic Product in 2020 - preliminary estimate. Główny Urząd Statystyczny, Warszawa. Retrieved 1.02.2021 from <https://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/rachunki-narodowe/roczne-rachunki-narodowe/produkt-krajowy-brutto-w-2020-roku-szacunek-wstepny,2,10.html/>
10. Halper, S. (2010). The Beijing Consensus: How China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century, New York, Basic Books.
11. Kissinger, H.A. (May 22, 1989). Seeking a New Balance in Asia. News week. Retrieved 1.02.2021 from https://findit.library.yale.edu/images_layout/view?parentoid=11781621&increment=2/
12. Kolodko, G.W. (July 7, 1998). Russia Should Put Its People First Following Poland's Example. The New York Times, A27. Retrieved 1.02.2021 from http://tiger.edu.pl/kolodko/artykuly/NYT_98.pdf/
13. Kolodko, G.W. (2000). From Shock to Therapy: The Political Economy of Postsocialist Transformation. Oxford and New York, Oxford University Press.
14. Kolodko, G.W. (2011). Truth, Errors and Lies: Politics and Economics in a Volatile World. New York, Columbia University Press. <https://doi.org/10.7312/kolo15068>
15. Kolodko, G.W. (2020a). China and the Future of Globalization: The Political Economy of China's Rise. London and New York, Bloomsbury I.B. Tauris. <https://doi.org/10.5040/9781788315487>

16. Kolodko, G.W. (2020b). Chinism and the Future of the World. *Communist and Post-Communist Studies*, 53, 4, 260-279. Retrieved 1.02.2021 from <https://doi.org/10.1525/j.postcomstud.2020.53.4.260>
17. Kolodko, G.W. (2020c). Economics and politics of post-communist transition to market and democracy: The Lessons from Polish experience. *Post-Communist Economies*, 32: 3, 285-305. Retrieved 1.02.2021 from <https://doi.org/10.1080/14631377.2019.1694604>
18. Kolodko, G.W. (2020d). The Great Chinese Transformation: from the Third to the First World. *Acta Oeconomica*, 70, special Issue, 71-83. Retrieved 1.02.2021 from <https://akjournals.com/view/journals/032/70/S/article-p71.xml>; <https://doi.org/10.1556/032.2020.00026>
19. Kornai, J. (July 10, 2019). Economists share blame for China's 'monstrous' turn. *Financial Times*. Retrieved 1.02.2021 from (<https://www.ft.com/content/f10ccb26-a16f-11e9-a282-2df48f366f7d/>)
20. Lin, J.Y. (2012). *Demystifying the Chinese Economy*. Cambridge, Cambridge University Press.
21. Lovell, J. (2020). *Maoism: A Global History*. New York, Vintage Books.
22. Maçães, B. (2018). *Belt and Road: A Chinese World Order*. London, Hurts.
23. Mau, V. (2018). *Russia's Economy in an Epoch of Turbulence: Crises and Lessons*. New York, Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315162188>
24. McGregor, J. (2012). *No Ancient Wisdom, No Followers: The Challenges of Chinese Authoritarian Capitalism*. Westport, CT., Prospecta Press.
25. Medvedev, S. (2020). *The Return of the Russian Leviathan*, Medford, M.A., Polity Press.
26. To the 90th birthday of Mikhail Sergeevich Gorbachev (2020). *Mir Peremen - A world of change*, special issue. Retrieved 1.02.2021 from <http://mirperemen.net/2020/12/mir-peremen-2020-4/>
27. Nuti, M.D. (2018). *The Rise and Fall of Socialism*, Berlin, Dialogue of Civilizations Research Institute. Retrieved 1.02.2021 from https://doc-research.org/2018/05/rise_and_fall_of_socialism/
28. Ostrovsky, A. (2015). *The Invention of Russia: The Journey from Gorbachev's Freedom to Putin's War*, London, Atlantic.
29. Pei, M. (2016). *China's Crony Capitalism: The Dynamics of Regime Decay*. Cambridge, Massachusetts, and London, Harvard University Press. <https://doi.org/10.4159/9780674974340>
30. Popov, V. (2014). *Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia, and the West*. New York, Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198703631.001.0001>
31. Sater, D. (2003). *Darkness at Dawn: The Rise of the Russian Criminal State*. Washington, D.C., Louis Stern Memorial Fund.
32. TI (2021). *Corruption Perception Index 2020*. Transparency International. The global coalition against corruption. Retrieved 4.02.2021 from <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/som/>
33. Tong J., Sing M. (December, 2020). Special Section On Hong Kong Protests & Special Section On Politics In China. *Communist and Post-Communist Studies*, 4. Retrieved 1.02.2021 from <https://www.sciencedirect.com/journal/communist-and-post-communist-studies/vol/52/issue/4/>

34. Wedel, J.R. (1998). Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe 1989-1998. New York, St. Martin's Press.

35. WDI (2021). World Development Indicators, Washington, D.C., The World Bank. Retrieved 1.02.2021 from

<https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.MKTP.CD&country>

36. WEO (January, 2021). World Economic Outlook Update. Washington, D.C., The International Monetary Fund. Retrieved 1.02.2021 from

(<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update/>)

37. Wiatr, J.J. (Ed.). (2019). New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21st Century. Opladen - Berlin - Toronto, Verlag Barbara Budrich.

<https://doi.org/10.2307/j.ctvdf08xx>

38. Wiatr, J.J. (2021). Political Leadership: Between Democracy and Authoritarianism. Opladen - Berlin - Toronto, Verlag Barbara Budrich.

Receipt 29 March 2021